

Н. Ш. Чи не найбільшим викликом для літературознавців була і надалі залишається, вважає Марія Зубрицька, проблема закритості і водночас відкритості комунікативного ланцюжка «автор — текст — читач». Отже, маємо нагоду згадати видатного російського мислителя Михайла Бахтіна, якому у щойно минулому році минуло 120 років від дня народження.

Слово про діалогічний модус літературної свідомості поетів-модерністів Срібного віку має *Сподарець Надія Вікторівна*.

Надежда Викторовна Сподарец. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛОГИЗМА ЛИТЕРАТУРНОГО СОЗНАНИЯ ПОЭТОВ-МОДЕРНИСТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. Исследование проблемы диалогического модуса литературного сознания модернистов Серебряного века предполагает выход на уровень *междисциплинарных* методологических обоснований. Важным представляется освоение научных трудов по вопросам онтологии и феноменологии творческого сознания, рассмотренного в аспекте его диалогической направленности (т. е. диалогического модуса) с учетом фактора конкретно-исторического бытия субъектов сознания: труды М. Бубера, М. Бахтина, В. С. Библера, Э. Левинаса, П. Рикера, а также психологов, специалистов в области когнитологии, лингвистов, решавшим, вслед за философами, проблему единства и множественности «Я».

Философия «межчеловеческих отношений» дала М. Буберу основания для разработки концепции «диалогического персонализма», в рамках которой человеческое бытие он рассматривал как «диалогическую жизнь». О диалоге — основе бытия писал и М. Бахтин, констатируя «диалогическую природу сознания, диалогическую природу самой человеческой жизни»: «Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом,

всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни... Каждая мысль и каждая жизнь вливаются в незавершенный диалог. Недопустимо и овеществление слова: его природа также диалогическая» [1, с. 318]. Ученый подчеркивал мысль о том, что монологическое сознание замыкается в себе и умирает: «Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к *ты*)» [1, с. 341]. Диалогизм как свойство индивидуального сознания М. Бахтин связывал со свойствами культурного сознания и словесного творчества.

Обратим внимание и на труды философов-экзистенциалистов, феноменологов (Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет и др.), которые в контексте неклассической эпистемологии в философском дискурсе разрабатывали проблемы феноменологии сознания, бытия и сознания, феноменологии субъективности. Неклассический подход к этим проблемам направлен на аналитику Я не как первичной данности, а как результата общения с другими людьми: Я могу видеть себя «со стороны», лишь став на точку зрения Другого. В философском дискурсе Э. Гуссерля и М. Хайдеггера дано обоснование и концепта интерсубъективности, значимого для понимания форм и способов литературной самоидентификации поэтов-модернистов.

В процессе осмысления диалогических интенций модернистского сознания обратимся и к трудам Э. Левинаса, в философском дискурсе которого концепт Другого сопряжен с идеей бесконечного [3, с. 103], [4]. Показательно, что такой горизонт концептуализации Другого в разных литературных практиках иллюстрировали и поэты-модернисты, но теоретико-методологической уровне рефлексии этой проблемы оставался в подтексте их произведений.

Междисциплинарный научный опыт изучения вопроса диалогизма позволяет конкретизировать особенности литературного сознания поэтов-модернистов, разработать актуальную методологию и категориальный инструментарий, раскрывающий его диалогическую направленность. Очевидно, что не столько философский, сколько теоретико-методологический дискурс литературоведения должен стать основанием для изучения форм

и способов означивания диалогических интенций модернистского сознания, феноменологии (проявленности) его диалогичности.

Обращаем внимание и на опыт типологического изучения литературного сознания культурно-исторических эпох в диахронии и синхронии (С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов, Е. М. Черноиваненко, Б. О. Корман, С. Н. Бройтман, В. И. Тюпа и др.).

Ученые констатировали, что европейский романтизм создал культуру «уединенного» (определение Вяч. Иванова) сознания. Возрастание личностного начала в литературе сопровождалось разработкой *подлинно* диалогических форм и, соответственно — проявлением самостоятельной позиции субъектов сознания и субъектов высказывания. С. Н. Бройтман писал: «Факты истории литературы говорят, что возможность диалога стала действительностью русской лирики только в зрелом творчестве Пушкина. Именно у него субъектная и речевая диаструктурность лирики перестала быть только ее непосредственной стихией, а преобразовалась в эстетически осознанное/«разыгранное»/событие взаимоосвещения ее субъектов-языков» [2, с. 9].

Концептуально значимой представляется сентенция В. И. Тюпы, ориентированная феноменологическим подходом к проблеме литературного сознания: «На наш взгляд, литература — это интерсубъективная жизнь Сознания в формах художественного Письма. <...> Литературовед, изучая художественные тексты, не может игнорировать того, что предмет его занятий — эстетические манифестации жизни сознания: индивидуального — корпоративного — национального — общечеловеческого (ноосфера Земли). Все эти соподчиненные сферы ментальности (кругозоры сознания) так или иначе актуализированы в любом подлинно художественном тексте. <...> Сознание есть ментальная сторона бытия, которая — в отличие от материи — лишена поддающихся описанию дифференциальных признаков, атрибутов. Она, однако, не сводится к отражению материи (гносеологизм). Сознание тоже по-своему онтологично и характеризуется собственными модусами, определенными модальностями ментальных актов, или, проще выражаясь, способами быть сознанием» [5, с. 6]. В своем концептуальном решении В. И. Тюпа совмещает онтологический, феноменологический, историко-«парадигмальный» и стадийный ракурс оценки, что дает основания говорить о художественном сознании как

о «порождающем и принимающем лоне духовности», определить типологические признаки его конкретно-исторического бытия в соответствии с доминантными модусами («роевое», «авторитарное», или «лично-ролевое», «уединенное», «конвергентное»), рассматривать художественную коммуникацию как один из видов «диалога сознаний».

Очевидно, что обосновывая типологию художественного сознания в диахронии, В. И. Тюпа ориентировался на отношения ментальной сферы и области художественности. В литературоведческой идентификации типологических признаков художественного сознания определенных культурно-исторических эпох особое внимание он обратил и на субъектную систему литературных текстов. Она рассматривалась ученым в призме ментально-психологических и коммуникативных характеристик ее репрезентантов. Базовые позиции такого методологического решения В. И. Тюпы коррелируют с разработками Б. О. Кормана и С. Н. Бройтмана, которые в теоретическом и историко-литературоведческом дискурсах конкретизировали концепцию и принципы системно-субъектного метода, ориентируясь на идею М. М. Бахтина о диалогической природе сознания.

Опыт изучения теоретико-методологических исследований по проблеме отношений литературы и ментальности, субъектной сферы произведений позволяет идентифицировать субъектно-образную систему лирики модернистов в градациях и категориях, предложенных Б. О. Корманом, С. Н. Бройтманом и В. И. Тюпой.

2. Фактор ценностных представлений поэтов-модернистов рассматриваем как определяющий в активизации диалогического модуса их литературного сознания. В сложном взаимодействии разных методологических опций (метафизической, психоаналитической, феноменологической, гендерной и др.) модернистское сознание поэтов Серебряного века *в границах авторских литературных миров*, ориентированных на аксиологические приоритеты литературных направлений, вырабатывало систему *антропных концептов и моделей личностной идентификации*. Подчеркнем взаимосвязь и творческую взаимообусловленность антропологического поиска гуманитарной мысли Серебряного века с литературной и литературно-критической разработкой антропной концептосферы в текстах произведений модернистов, включающей концепты «человек», «личность»,

«автор произведения», «субъектная сфера произведения: лирический герой, лирическое Я, ролевой герой и др.», «Другой», «читатель» и др.

3. Диалогические интенции модернистского сознания проявились в разных формах и способах субъектной и текстообразовательной идентификации. Модернистский тип литературы проявил ментальный кризис «уединенного сознания», разнаправленность его интенций: к углублению конфликтности с миром и прорыв к другим «Я». На уровне субъектно-объектной организации произведений символистов, акмеистов и футуристов очевидна тенденция к трансформациям теургической концепции авторского и лирического «Я» в контексте неклассической разработки концепта «Другого», структурная и функционально-семантическая динамика субъектной сферы, расширение ее коммуникативных моделей.

В лирике старших символистов уже отмечаем практики субъектной самоидентификации через образ Другого и продуктивность коммуникативной модели отношений с Другим (Иным), разноформатность ролевых масок, текстуальную экспликацию моделей бытия как «уединенного», так и «конвергентного» сознания.

Концепции и приемы диалогической поэтики символистов получили развитие в творчестве адептов других литературных направлений модернизма Серебряного века.

Постсимволисты ушли от модели «уединенного» сознания, в своей художественной антропологии ориентируясь на горизонты неклассической эпистемологии и антропологии начала XX века. Так, лирическая героиня ранних сборников стихов А. Ахматовой, являясь формой выражения авторского сознания, идентифицирует себя как «конвергентное я». В лирике О. Мандельштама манифестация субъектности характеризуется тенденцией к идентификации в формате «Мы». Конвергенция же охватывает и архитектонику художественного целого многих стихотворений писателя.

4. Показательной формой экспликации диалогического модуса литературного сознания модернистов являются *стихотворные послания*. Жанр послания характеризуется воплощением ситуации письменного диалога с условным или реальным адресатом.

Являясь древнейшим литературным жанром, в конце XIX — начале XX веков *поэтическое послание* становится одним

из самых востребованных в жанровом репертуаре эпохи. Имманентная мотивация такой востребованности кроется в потенциале жанровой структуры поэтического послания, позволяющей означить новую концептуально-поэтологическую направленность антропологического поиска общекультурной и литературной мысли эпохи.

5. Обратим внимание на *разработку этого жанра в творчестве символистов*. Модели субъектной коммуникации в художественном мире посланий символистов часто являлись проекцией реальных жизненных отношений между поэтами, когда в конце XIX — начале XX веков вырабатывался кодекс символистской гносеологии, эстетической аксиологии и поэтической культуры. Процесс популяризации и утверждения ментального и поэтикального тезауруса направления сопровождался острой полемикой. Отсюда — обусловленные фактором исторического момента линии и тактики творческого поведения поэтов-символистов, особенности межличностных и корпоративных (в рамках направлений) отношений. Жанровая модель послания позволяла символистам в диалогическом режиме разворачивать свое видение стратегий жизнетворчества, поэтически декларировать отношение как к авторским мифам оппонентов, так и к целому ряду актуальных вопросов современной им культуры. Диалогическая поэтика посланий показательна многообразием антропных коммуникативных моделей произведений, выступающих формой идентификации отношений: автор — субъектная сфера текста — реципиент.

6. *Художественное осмысление проблемы человека*, специфики межличностных и внутриличностных отношений в литературных дискурсах писателей-модернистов (литературно-художественном и литературно-критическом) характеризовалось адекватностью научному поиску эпохи, а порой и опережало те системные резюмирующие результаты, к каким научная антропология пришла уже в XX веке.

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; [сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова]. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.

2. *Бройтман С. Н.* Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века : [учеб. пособие по спецкурсу] / С. Н. Бройтман. — Махачкала : Дагестанский гос. ун-т, 1983. — 80 с.

3. *Левинас Э.* Значение и Смысл / Э. Левинас // *Онтология. Эстетика. Религиозная философия. Труды Высшей религиозно-философской школы.* — СПб., 1993. — Вып. 2. — С. 95—134.

4. *Левинас Э.* Время и Другой : пер. с фр. / Э. Левинас. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 264 с.

5. *Тюпа В. И.* Постсимволизм : Теоретические очерки русской поэзии XX века / В. И. Тюпа. — Самара : Ун-т Наумовой, 1998. — 155 с.